

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342 (537)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

канд. юрид. наук А.Н. ПУГАЧЕВ
(Полоцкий государственный университет)

Институт судебного конституционного контроля рассмотрен в качестве эффективного механизма обеспечения стабильности государства и общества в условиях последовательного и непрерывного развития. Выявлена дуалистическая природа органов конституционного правосудия, основанная на смешении элементов судебной и контрольной деятельности. Показано отличие между контрольной и надзорной видами государственной деятельности. Уточнено место Конституционного Суда Республики Беларусь в системе сдержек и противовесов.

Актуальными теоретическими и практическими проблемами государственного строительства являются: определение места и роли Конституционного Суда Республики Беларусь в системе государственной власти; уяснение необходимых и достаточных условий для его полноценного функционирования; дальнейший поиск путей совершенствования материальных и процессуальных сторон его деятельности.

Обеспечение гармоничной деятельности органов государственной власти не является чем-то неизменным, а требует постоянного контроля за стабильностью системы. Поэтому роль конституционного контроля «можно сравнить с ролью иммунной системы человеческого организма. В общественном организме также при возникновении иммунодефицита любой «сквозняк» может стать причиной развала системы» [1, с. 100]. Как свидетельствует исторический опыт, именно институт судебного конституционного контроля является наиболее эффективным средством обеспечения стабильности государства и общества в условиях последовательного и непрерывного развития. Деятельность органов конституционного контроля (надзора) служит очень серьезным стимулом к постоянному совершенствованию системы государственной власти и гармонизации постоянно меняющихся общественных отношений. Побуждая органы государственной власти к правовому образу действий, Конституционный Суд тем самым «формирует вкус к государственному мышлению и необходимое качество общественного сознания» [1, с. 100].

Признание востребованности конституционной юстиции в Республике Беларусь практически всеми учеными, практиками, государственными деятелями не закрывает, однако, дискуссию о том, к какой ветви государственной власти относится специализированный орган судебного конституционного контроля. Это объясняется прежде всего тем, что, во-первых, Конституционный Суд как орган государственной власти имеет особую правовую природу; во-вторых, это качественно новое явление государственной жизни, теоретически недостаточно исследованное и практически мало апробированное. Окончательная «притирка» Конституционного Суда с остальными звеньями государственного механизма еще предстоит.

Необходимость определения сущности и места Конституционного Суда в системе органов государственной власти затруднено тем, что в действующем белорусском законодательстве не определено понятие Конституционного Суда. Такой законодательный пробел несвойствен для мирового опыта. Например, статья 1 Закона Российской Федерации «О Конституционном Суде Российской Федерации» гласит о том, что Конституционный Суд Российской Федерации - судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства [2]. Как известно, любые недосказанности законодателя порождают благодатную почву для дискуссий и споров, к сожалению, не всегда плодотворных и конструктивных.

Конституция Республики Беларусь 1994 г. относила Конституционный Суд к органам государственного контроля и надзора. Для этого были и формально-юридические основания. Дело в том, что нормы о Конституционном Суде помещались в разделе VI Конституции «Государственный контроль и надзор». Но уже в то время некоторые белорусские ученые считали, что Конституционный Суд по своей сути является органом судебной власти. Так, И.И. Мартинович и М.И. Пастухов приводили следующие доводы в обоснование данного положения: «Во-первых, Конституционный Суд свою деятельность осуществляет путем судопроизводства при обязательном участии сторон. Во-вторых, правоприменительный процесс в Конституционном Суде завершается вынесением решения в форме заключения. В-третьих, Конституционный Суд, как и другие суды, при рассмотрении вопросов занимает положение нейтрального арбитра. В-четвертых, он, по общему правилу, не выступает с инициативой в принятии вопросов к сво-

ему производству. В-пятых, в отличие от контрольных органов, которые имеют систему периферийных органов, Конституционный Суд представлен в единственном числе. В-шестых, использование им в своих заседаниях помощи экспертов, специалистов, свидетельских показаний, письменных документов. В-седьмых, сами первые шаги его практической деятельности, когда он рассмотрел ряд дел о конституционности нормативных актов, свидетельствует о том, что можно говорить о формировании нового, нетипичного для Беларуси судопроизводства - конституционного» [3, с. 45].

В 1996 г. основополагающие нормы о Конституционном Суде были включены в главу 6 «Суд», чем подчеркивается принадлежность Конституционного Суда к судебной ветви государственной власти. Следует иметь в виду, что Конституция Республики Беларусь непосредственно не определяет систему судов и судоустройство, «однако отражает наличие трех ветвей в судебной системе - Конституционного Суда, а также общих судов и хозяйственных судов - посредством определения порядка назначения судей Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда и возможной проверки их актов на предмет конституционности» [4, с. 71]. Однако Конституционный Суд не только особый судебный орган. Если круг его основных полномочий и функций сводится к обеспечению верховенства и прямого действия Конституции, то он выступает как высший конституционный орган одного уровня с законодательной и исполнительной властью.

О двусмысленном положении Конституционного Суда по редакции Конституции 1994 года писали некоторые белорусские ученые, замечавшие, что компетенция Конституционного Суда, согласно Основному Закону Республики Беларусь, ставила его в один ряд с прочими органами судебной власти, с другой стороны, соответствующий нормативный материал помещался в разделе «Государственный контроль и надзор» [5, с. 84]. Впрочем, существование подобных специализированных судебных систем с осуществлением функции судебно-конституционного контроля «квазисудебным» органом большинство ученых считает «характерным для романо-германской системы права» [6, с. 10]. На наш взгляд, функциональные характеристики Конституционного Суда, Прокуратуры и Контрольной Палаты различались в большей степени, чем Конституционного Суда и судов общей юрисдикции.

Позицию законодателя оправдывал А.М. Юшко, указавший, что право Конституционного Суда по своей инициативе возбудить производство принципиально отличает его компетенцию от компетенции судов общей юрисдикции. Оно (право) и сближает его с контрольно-надзорными органами, что в принципе и соответствует его месту в разделе «Государственный контроль и надзор» [7, с. 86]. Следует отметить, что и после изменения организационно-правовых основ Конституционного Суда в 1996 г. не все белорусские ученые (в частности, А.А. Головки) согласились с определением его места в системе органов судебной власти, опасаясь того, что он «утратит свое назначение и может быть упразднен, а его функции вполне сможет выполнять Верховный Суд Республики Беларусь. Непонимание этого наносит непоправимый ущерб белорусской государственности, процессу формирования правового государства и укреплению конституционной законности» [8, с. 24].

Несколько иной аргументацией руководствуется С.П. Чигринов, предлагая реальный конституционно-правовой статус того или иного органа определять в первую очередь его компетенцией. Анализируя полномочия Конституционного Суда, ученый утверждает, что последний является не судебным, а именно контрольно-надзорным органом, и в «данной связи можно констатировать определенное противоречие формально-юридического характера, когда декларированный конституционно-правовой статус Конституционного Суда как элемента судебной системы не в полной мере соответствует его реальному месту в государственном механизме» [9, с. 40].

Такой подход, следует сказать, вполне укладывается в рамках современных представлений о государственной власти как взаимосбалансированной системе, в основе которой лежит механизм сдержек и противовесов.

Несмотря на то, что в теории и на практике укоренился удачный образ триединой (законодательной, исполнительной, судебной) государственной власти, уже в конце XIX в. неоднократно предпринимались попытки «пополнить» существующую систему государственной власти четвертой властью. И наиболее распространенной, надо признать, становится точка зрения о выделении специальной *контрольной* ветви власти, хотя до настоящего времени в государственном строительстве многих стран, в том числе и в Беларуси, этот процесс еще не завершен. Но, как мы убедились, за последнее время конструкция контрольной ветви власти поддерживается и развивается в работах многих авторитетных ученых.

Справедливости ради отметим, что существуют мнения и противоположного толка. Например, российский ученый Е.А. Николаев категорически утверждает, что «в соответствии со статьей 10 Конституции Российской Федерации государственная власть осуществляется на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви. ...Содержание статьи конституирует важнейшее правовое положение, что первоначальное ветвление единой власти должно осуществляться с тремя (и только тремя) указанными в статье 10 конкретными ее аспектами, что исключает конституционно-правовые основания для «ветвестроительства», например, по функциональным или ресурсным признакам» [10, с. 16].

Схожую точку зрения в российской юридической науке высказывает С.А. Денисов, который контрольную ветвь государственной власти рассматривает только в качестве самостоятельной и равной по значению трем другим. Как полагает ученый, «для того, чтобы оценивать эффективность принимаемых законов, качество их исполнения, народу нужна достоверная и полная информация о работе всех звеньев государственного механизма. Суверенитет народа (ст. 3 Конституции РФ), демократический характер государства (ст. 1 Конституции РФ), право на участие в управлении государственными делами (ст. 32 Конституции РФ), принцип гласности при отсутствии реального контроля превращаются в декларации» [11, с. 9].

Безусловно, сторонники выделения четвертой, самостоятельной ветви государственной власти - власти контрольной (наряду с законодательной, исполнительной и судебной) - в своих рассуждениях опираются на здравые аргументы. Можно сформулировать объединяющую позицию, смысл которой заключается в том, что именно внешний ко всем ветвям государственной власти, независимый от них контроль дает надежды предоставления обществу объективной информации о работе государственного механизма на основе глубокого и всестороннего изучения его деятельности. Известно, что самоконтроль не обеспечивает такой объективности. Да и общая теория контроля строится на постулате, что наблюдатель (контролер) должен быть не внутри, а над системой.

Но как бы то ни было, Конституция 1994 года и ее последующая Редакция 1996 года позволяла в концентрированной форме выразить основные характеристики Конституционного Суда:

- его функциональное предназначение (осуществление конституционного контроля);
- статус (судебный орган);
- основополагающие принципы деятельности (самостоятельное и независимое осуществление судебной власти);
- процессуальная форма деятельности (конституционное судопроизводство).

Однако последний элемент буквального отображения в тексте Конституции не нашел.

Столь пестрая палитра взглядов в отношении места и роли Конституционного Суда объясняется и тем, что в определении сущности контроля (конституционного в том числе) среди ученых нет единства. Исходя из определения, контроль сам по себе не представляет первичной деятельности, он касается действий, осуществляемых независимо от контроля (имеется в виду правотворческая деятельность уполномоченных субъектов). Вместе с тем контроль является и самостоятельным видом работы. И в таком случае его сущность состоит в наблюдении за соответствием деятельности подконтрольного объекта тем параметрам, которые заложены в Конституции и законодательных актах. Нет единства и в терминологии. Как отмечает А.М. Тарасов, «авторы определяют контроль по-разному: как средство, фактор, форму, элемент, функцию, деятельность, систему, обратную связь, условие, регулятор, гарант, явление, институт, метод, правомочие и т.д.» [12, с. 26]. В словаре-справочнике по социальному управлению контроль определяется как «проверка; наблюдение с целью проверки исполнения законов, постановлений, управленческих решений и т.п.» [13, с. 74]. Полную ясность можно внести, пожалуй, лишь в отношении направленности контроля Конституционного Суда. Если внутренний контроль осуществляется в отношении органов одной системы, то внешний - в отношении организационно неподчиненных объектов, что и имеет место в отношении Конституционного Суда.

В юридической литературе зачастую отождествляют конституционный контроль с конституционным надзором, но более точной видится позиция, при которой конституционно-правовая доктрина различает эти понятия по ряду признаков. Например, Б.С. Эбзеев делает акцент на том, что «органы конституционного надзора способствуют разрешению конституционного спора, а органы конституционного контроля принимают решения, которые носят окончательный характер, а сами эти органы занимают самостоятельное место в системе разделения государственной власти и независимы от иных органов государственной власти в осуществлении своих полномочий» [14, с. 81]. Т.Я. Хабриева предлагает собственное развернутое определение конституционного контроля, также не отождествляя его с конституционным надзором [15, с. 24]. Отметим и тот момент, что проблема соотношения понятий контроля и надзора не в последнюю очередь является и следствием неодинакового понимания и употребления терминов в законодательстве разных стран, а нередко - и в пределах одной страны, о чем свидетельствуют приводимые позиции видных ученых.

Отрицает идентичность терминов М.В. Баглай, так как полагает, что «под контролем обычно понимают право какого-то органа проверять деятельность вплоть до отмены актов другого, подконтрольного органа. Надзор сводится к наблюдению, позволяющему указать на ненадлежаще принятый или незаконный акт, который поднадзорный орган должен изменить или отменить сам. Для конституционной юстиции больше подходит термин «контроль», что, однако, не означает подчинение ей законодательных и исполнительных органов» [16, с. 644].

Другой российский ученый, А.В. Зиновьев, наоборот, полагает, что правы те авторы, которые относят Конституционный Суд к органам надзора. По его мнению, отличие же надзорной деятельности от

контрольной заключается в следующем. «Во-первых, между надзорным органом и поднадзорным нет отношений подчиненности или подведомственности. Во-вторых, надзорный орган не имеет права вмешиваться в оперативную административно-хозяйственную или иную деятельность, давать указания по устранению обнаруженных нарушений. В-третьих, орган надзора не имеет права ни отменять незаконный акт, ни наказывать нарушителей. В-четвертых, объектом надзора является только законность, но ни в коей мере не целесообразность. В-пятых, если контроль отличается плановостью и системностью, то конституционный надзор осуществляется в случае появления актов, которые надлежит проверить на их соответствие Конституции РФ» [17, с. 90].

Пожалуй, есть смысл несколько прокомментировать позицию В.В. Маклакова, ставшую, по сути, классической в юридической литературе [18, с. 72]. Автор указывает, что чаще всего под *контролем* понимают такую систему отношений между органами публичной власти, при которой контролирующий орган может отменять (выделено нами - А.П.) акты подконтрольного органа. *Надзор* же при этом понимании - это такая система отношений, при которой надзорный орган может лишь обратить внимание поднадзорного органа на его ошибку и, самое большое, может приостановить действие его акта, но отменить или исправить акт должен сам поднадзорный орган.

На самом деле, как нам представляется, конституционные суды также не отменяют нормативные акты, пусть даже установленные в качестве неконституционных по предусмотренной законом процедуре. Вынесение соответствующего решения конституционным судом влечет утрату юридической силы такого акта, но отменить либо исправить его все-таки может лишь сам орган, его издавший. Фактические и юридические последствия соответствующего решения конституционного суда имеют, надо признать, разную правовую природу.

В белорусской науке по данной проблеме высказался Г.А. Василевич, который также предлагает четко разграничивать контрольные и надзорные полномочия, и это «проявляется в тех мерах, которые могут применить государственные органы, осуществляющие соответствующие функции. Надзорные органы сами обычно не обладают правом отмены правового акта, но путем соответствующего реагирования пытаются обеспечить законность на практике. Контролирующие органы отличаются не только правом отмены правовых актов, но и активным вмешательством в незаконную деятельность. Контрольная функция Конституционного Суда имеет свою специфику. Конституционный контроль охватывает сферу нормотворчества сверху донизу. При этом проблемы целесообразности не должны иметь решающее значение. Более того, принятие не самого удачного правового решения, реализованного в нормативном акте, не означает его неконституционность. В этом отличие конституционного контроля, проводимого иными государственными органами, включая и ведомственный контроль» [19, с. 230]. Здесь же ученый обращает внимание на двойственность природы Конституционного Суда, который включен в главу «Суд» Конституции Республики Беларусь, что означает принадлежность его к судебной власти, хотя это и неоспорно, и, может быть, предпочтительнее было бы относить Конституционный Суд к особой совокупности государственных структур - контрольно-надзорным органам.

Наша позиция сводится к тому, что конституционный контроль, в отличие от надзора, предполагает возможность признания Конституционным Судом утратившими юридическую силу актов подконтрольных органов, а само заключение Конституционного Суда о признании акта неконституционным к тому же имеет нормативный характер, что приводит к изменению объема правового регулирования в государстве, и это обстоятельство позволяет отнести Конституционный Суд к правотворческим органам. Следует не забывать о том, что контроль является формой проверки деятельности подконтрольного органа, которая проводится либо по сигналу, либо выборочно по собственной инициативе, в то время как надзор предполагает непрерывное наблюдение (слежение) за деятельностью поднадзорного органа. На этом, пожалуй, в данной части рассуждений можно поставить точку.

Но во избежание дальнейших терминологических споров и достаточно громоздких уточнений отметим, что в нашем исследовании мы будем использовать термин «*конституционный контроль*», не отрицая ни в коей мере различия в соотношении указанных понятий.

Заслуживающей внимания представляется точка зрения А.В. Матусевича, который следствием признания на конституционном уровне принципа разделения властей считает то, что «иерархия органов сменяется вертикальной иерархией права, как основы деятельности всех государственных органов, которые перестают во многих отношениях непосредственно подчиняться один другому» [20, с. 82]. Другими словами, речь может вестись о независимости различных ветвей власти при осуществлении возложенных на них полномочий, а не о равенстве компетенции.

Рассматривается ли судебный конституционный контроль в качестве четвертой власти (контрольно-надзорной), как это было по Конституции Республики Беларусь 1994 года, либо на конституционном уровне закрепляется дуализм системы единой судебной власти, как это предусмотрено в Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями), его главной, основной формой является судебная, причем Конституционный Суд стоит на одном уровне с другими высшими государственными

ми органами, служит важнейшим элементом единого механизма государственной власти. Но принцип разделения властей как отправной момент в организации системы органов государства не может заработать до тех пор, пока не будет выстроена конструкция, именуемая «системой сдержек и противовесов».

Однако прежде чем перейти к обсуждению этой стороны проблемы, ознакомимся с зарубежным опытом о месте конституционного суда в системе органов и функций государства на примере Конституционного Суда Федеративной Республики Германии. Такой выбор объясняется тем, что в послевоенный период, начиная с 1951 г. (Учреждения Федерального Конституционного Суда), деятельность этого органа становится эталоном для всей европейской конституционной юстиции. К тому же в процессе государственно-правового реформирования Беларуси очень многие германские юридические образцы и модели могут быть с успехом применены в условиях белорусской правовой системы.

Сразу отметим, что в 1949 г. создатели Основного Закона ФРГ отвели судебной власти очень сильные позиции. Помимо других юрисдикций, они учредили конституционную юрисдикцию, которая должна обеспечивать соблюдение Конституции (и прежде всего основных прав) всеми государственными органами. Федеральный Конституционный Суд занимает двойственное положение: он является органом отправления правосудия и одновременно конституционным органом Федерации. По отношению ко всем другим конституционным органам он является самостоятельным и независимым судом Федерации. Об этом со всей ясностью гласит § 1.1 Закона «О Федеральном Конституционном Суде» [21]. В бюджете Федерации он располагает отдельным бюджетным планом.

Немецкие правоведы постоянно подчеркивают [22, с. 69; 23, с. 274], что Федеральный Конституционный Суд по предмету и действию своей юрисдикции является высшим органом правосудия Федерации. Но это не следует понимать в том смысле, что он стоит над другими судами и связан с ними порядком прохождения инстанций. Конституционный Суд всегда выступает в качестве первой и последней инстанции. Однако он отличается от других судов постольку, поскольку посредством своего судебного решения контролирует конституционное поведение всех государственных властей. Например, ученый У. Хаак отмечает, что «Федеральный Конституционный Суд и земельные конституционные суды (иногда их называют государственными судами земли) не являются высшими федеральными или земельными судами, а представляют собой судебные инстанции особого рода. Они не являются и «суперсудами», возвышающимися над прочими судами; конституционное правосудие скорее имеет особое значение, поскольку масштабом для принятия решений этим судам служат исключительно Основной Закон и конституции земель» [24, с. 7].

Вообще, изучая законодательство о Конституционном Суде Германии и реализуемую им практику, мы пришли к выводу, что объем компетенций, предоставленных Федеральному Конституционному Суду по различным видам производства, значительно превышает компетенции всех других конституционных судов в мире. Исключительный статус Конституционного Суда объясняется и тем, что общие нормы общения с судами не могут использоваться при общении с этим органом. Он может не брать в расчет аргументы, важные для других судов, например, аргумент о судебном ограничении. Конституционный Суд не чувствует себя связанным устоявшимся правосознанием; «он ощущает себя хозяином процесса, ему не нужно относить к себе жалобы на нарушения государственными органами конституционных положений» [23, с. 274].

Как нами отмечено, в немецкой юриспруденции Конституционный Суд традиционно именуют высшим конституционным органом. Но, что интересно, такой статус не предусмотрен для него Основным Законом, да и не мог быть предусмотрен, поскольку в ФРГ как правовом государстве, согласно Конституции, высшим конституционным органом является народ.

В Федеральном Конституционном Суде позиция судей в значительно большей степени связана с личностью каждого из них, чем в иных судах: судьи Конституционного Суда избираются на государственную должность на личной основе и на ограниченный срок. В принципе, они не могут взаимозаменяться и полностью равноправны. Даже после принятия решения судом они могут доводить до сведения общественности свое особое мнение. Обращают на себя внимание различия в процедуре Конституционного Суда и обычных судов: относительное обособление предмета рассмотрения, значительное число лиц, которые могут выступить в Конституционном Суде, а также широкое обязывающее влияние его решений по вопросам конституционного права. С точки зрения политического процесса становится понятно, какую задачу должен выполнять Федеральный Конституционный Суд в области прав человека: в конечном счете это стабилизация связи политического процесса с определенными областями общественной жизни. С позиции индивида эта задача представляется как защита основных прав, а с точки зрения политики - как соблюдение объективного конституционного права.

Все эти и многие другие отличительные качества Федерального Конституционного Суда Германии дают все основания называть его (что полностью справедливо) стражем Конституции, в то время как другие суды являются стражем закона. Необходимо отметить, что объем полномочий, возложенных в Германии на Федеральный Конституционный Суд, значительно превосходит объем полномочий Верхов-

ного Суда США, который был взят в качестве образца, а также объем полномочий соответствующих судов Австрии, Италии, Швейцарии. Не случайно сегодня на германскую систему конституционного судопроизводства стремятся ориентироваться страны Центральной и Восточной Европы.

Возвращаясь к белорусским реалиям, попробуем уточнить место Конституционного Суда Беларуси в «системе сдержек и противовесов» - неотъемлемом атрибуте эффективного функционирования государственной власти.

Нами поддерживается следующий тезис: судебный конституционный контроль, как и другие ветви власти, несет в себе признаки, свойственные каждой из противоположных властей, поэтому в процессе конституционно-контрольной деятельности осуществляются и законодательные, и исполнительные, и судебные функции, т.е. непреодолимых границ между различными ветвями власти нет. Дело в том, что весь объем верховной государственной власти реализуется посредством осуществления отдельных функций, т.е. распадается как бы на более мелкие части.

Белорусский ученый Н.В. Сильченко допускает, что «эти функции могут быть закреплены либо за одним из высших органов государства, либо за несколькими. И тот, и другой варианты существовали в истории ранее и существуют сейчас» [25, с. 24]. Но в первом случае речь идет о полновласти (всевластии) одного органа, а во втором - о теории разделения властей, смысл которой как раз и состоит в том, чтобы рассредоточить осуществление основных функций верховной государственной власти между различными субъектами таким образом, чтобы эти функции не были сконцентрированы в каком-то одном органе, осуществляющем верховную власть, чтобы не произошло концентрации всей верховной государственной власти в руках одного органа власти. Дополняя принцип разделения властей системой «сдержек и противовесов», можно заметить, что реализация основных функций верховной власти происходит таким образом, что все они оказываются в большей или меньшей степени, но рассредоточены между несколькими высшими органами государственной власти. При этом каждый из высших органов власти «сосредоточен на выполнении преимущественно какой-то одной из функций, имеет, так сказать, приоритет при выполнении части верховной государственной власти» [25, с. 25].

Следствием всех перераспределений функций может быть два варианта:

- 1) совместное осуществление одного вида власти несколькими органами;
- 2) реализация нескольких видов власти одним органом, но различными способами.

Следовательно, «в условиях разделения властей вариант, когда определенная функция верховной государственной власти осуществляется только одним органом, или только одним способом, чтобы один орган издавал государственные акты лишь одного рода, без примеси актов другого рода, практически неосуществим» [25, с. 24]. Русский ученый Н.М. Коркунов допускал, что «различные формы совместности властвований могут быть и соединяемы одна с другой, образуя разнообразные комбинации, и порождая тем большую пестроту в функциях отдельных органов» [26, с. 296].

По наблюдениям современного ученого А. Шайо [27, с. 63], относительно моделей возможных связей между властями государства можно насчитать до двадцати пяти возможных вариантов. Но в любом случае, государственная власть как устойчивая эволюционирующая система характеризуется как единством целей, так и функциональным единством. Как верно отмечает Е.Н. Николаев, «даже в абстракции невозможно разделить функции власти, реализуемой в непрерывном потоке решений и действий. При нормальном взаимодействии, кооперации ветвей власти нет четких границ разделения труда» [10, с. 14]. Поэтому при практической реализации принципа разделения государственной власти особое внимание необходимо уделять проблемам правового обеспечения их взаимодействия, трансформации полномочий и, как следствие, ответственности за принимаемые решения.

Таким образом, принцип разделения властей, разграничивающий функции и полномочия органов государства, не должен быть абсолютизирован. Следует помнить, что представления по данной доктрине Ш.Л. Монтескье [28, с. 290] существенно отличаются от современного ее понимания. В настоящее время под разделением властей имеется в виду разграничение функций - законодательства, управления и правосудия, которые осуществляются различными органами, а не расчленение государственной власти на изолированные друг от друга самостоятельные власти. Нельзя говорить об абсолютной независимости ветвей государственной власти, так как каждая из них имеет отдельные полномочия, которые в классическом понимании входят в компетенцию других органов. Провозглашенный конституционный принцип разделения властей (ст. 6 Конституции Республики Беларусь) не препятствует распределению некоторых прав, в силу их правовой природы присущих одной из властей, между органами другой власти. Такое распределение является частью механизма их взаимодействия, равновесия и определенного баланса и поэтому правильнее было бы говорить не о «разделении властей», а о «разделении власти», имея в виду наделение известной самостоятельностью различных ее ветвей, каждая из которых отнюдь не независима от остальных, а находится с ними в тесном взаимодействии, что исключает явное доминирование одной ветви в ущерб прочим» [29, с. 13], да и вообще, понятие «разделение власти», и тем более «властей»,

содержит в своем объеме определенную долю условности и требует конкретизации в зависимости от обстоятельств» [10, с. 15].

Не стоит забывать о том, что так называемые «ветви» государственной власти принадлежат одному «дереву» - государству, а каждая из ветвей власти характеризует, а точнее, олицетворяет определенную сферу приложения властных полномочий. Признание наличия различных ветвей власти - это по существу, признание правомерности, а скорее, необходимости специализации власти к ведущим направлениям государственного строительства. Можно и нужно говорить о самостоятельности каждой ветви государственной власти, но это, еще раз подчеркнем, вовсе не означает автономности, обособленности ее существования.

Обеспечение интересов государства достигается не изолированностью ветвей власти друг от друга, уж тем более не их противостоянием или открытой конфронтацией (Россия - 1993 г., Беларусь - 1996 г.), а тесным взаимным сотрудничеством, точным и качественным исполнением каждой из ветвей власти своих функций. Объективная природа государства такова, что все ветви власти нуждаются друг в друге, они образуют законченное единство только своей совокупностью, только выступая элементами единой системы. Даже простое ослабление хотя бы одного элемента «способно привести к разрушению системы, параличу власти в целом, в лучшем же случае к существенному снижению ее дееспособности» [30, с. 149]. Поэтому и Конституционный Суд в системе разделения властей помимо своих функциональных полномочий должен обладать реальными полномочиями в плоскости сдержек и противовесов.

Особенности организационно-правового статуса Конституционного Суда Республики Беларусь, его места в системе разделения властей наиболее отчетливо выявляются через изучение тех организационно-правовых форм, которые присущи другим государственным властям в ходе реализации ими властных полномочий. Эта задача реализуема, если определить элементы правотворчества, правоприменения, толкования и охраны права в деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь, а это означает, что полномочия Конституционного Суда, при условии включения его в систему «сдержек и противовесов», реализуются через все известные организационно-правовые формы юридической деятельности: 1) правотворчество; 2) правоприменение; 3) толкование права; 4) правоохранение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян Г.Г. Проблемы совершенствования системы конституционного правосудия // Журнал российского права. - 1999. - № 9. - С. 100 - 107.
2. О Конституционном Суде Российской Федерации // Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 13. - ст. 1447.
3. Мартинович И.И., Пастухов М.И. Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь. - Мн.: Амалфея, 1995. - 244 с.
4. Колядко И.Н. Актуальные проблемы права на судебную защиту в Республике Беларусь // Проблемы конституционализма: Сб. науч. трудов. - Мн., 1998. - Вып. 4. - С. 71 - 77.
5. Скiтовiч В.В. Канстытуцыйны кантроль i судовая ўлада ў прававой дзяржаве // Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь і рэфармаванне прававой сістэмы: Тэз. дакл. навук. канф., Гродна, 27 - 28 крас. 1995 г. / ГрГУ. - Гродно, 1995. - С. 82 - 84.
6. Абросимова Е.Б. Судебная власть: конституционно-правовые аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Ин-т гос. и права РАН.-М., 1992.-20 с.
7. Юшко А.М. Роль Конституционного Суда в утверждении законности в Республике Беларусь // Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь і рэфармаванне прававой сістэмы: Тэз. дакл. навук. канф., Гродна, 27 - 28 крас. 1995 г. / ГрГУ. Гродно. - С. 85- 87.
8. Головки А.А. Организационно-правовые проблемы функционирования Конституционного Суда Республики Беларусь // Конституционное правосудие в Республике Беларусь: пятилетний опыт, проблемы и перспективы: Материалы респ. науч.-практ. конф. / Конституционный Суд Республики Беларусь. - Мн., 1999. - С. 23 - 27.
9. Чигринов С.П. Место Конституционного Суда в государственном механизме Республики Беларусь // Конституционное правосудие в Республике Беларусь: пятилетний опыт, проблемы и перспективы: Материалы респ. науч.-практ. конф. / Конституционный Суд Республики Беларусь. - Мн., 1999. - С. 38-40.
10. Николаев Е.А. Принцип разделения власти и проблемы государственного строительства // Право и политика. -2003. -№ 12. - С. 12-21.
11. Денисов С.А. Формирование контрольной ветви государственной власти и ограничение коррупции // Государство и право. -2002. -№ 3. - С. 9 - 16.

12. Тарасов А.М. Государственный контроль: сущность, содержание, современное состояние // Журнал российского права. - 2002. - № 1. - С. 26 - 36.
13. Социальное управление: Словарь. - М., 1994. - 311 с.
14. Эбзеев Б.С. Конституционный Суд Российской Федерации - судебный орган конституционного контроля // Вести. Конституц. Суда Российской Федерации. - 1995. - № 2. - С. 80 - 94.
15. Хабриева Т.Я. Правовая охрана Конституции. - Казань: Изд. Казанского ун-та, 1995. - 115 с.
16. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для юрид. вузов и фак. - М.: НОРМА, 2000 - 776 с.
17. Зиновьев А.В. Конституционность как барометр правовой культуры и основа правового государства // Правоведение. - 1999. - № 2. - С. 13 - 14.
18. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб. для юрид. вузов. Т. 1 -2. / Г.Н. Андреева, И.А. Андреев, А.Ш. Будагова и др.; Под ред. Б.А. Страшуна. - М.: БЕК, 1996. - 778 с.
19. Василевич Г.А. Комментарий к Закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». - Мн.: Интерпрессервис, 2003. - 256 с.
20. Матусевич А.В. Государственное строительство в Республике Беларусь // Вести. Конституц. Суда Респ. Беларусь. - 1996. - № 1. - С. 82 - 85.
21. О Федеральном Конституционном Суде: Закон Федеративной Республики Германии, 12 марта 1951 г. В редакции Закона от 12 декабря 1985 г. Бонн: Германский Фонд Международного правового сотрудничества, 1996.
22. Хайде В. Система правосудия Федеративной Республики Германия. - Кельн: ООО «Федеральный вестник», 1995. - 111 с.
23. Государственное право Германии. Т. 1. / Н. Ахтенберг, П. Бадур, Е. Бекенферде и др. - М.: РАН, 1994.-318 с.
24. Хаак У. Структура и функции административной юстиции в Германии и основные черты административно-процессуального права // Административная юстиция сегодня: законодательный процесс и практика: Материалы междунар. семинара. - Мн., 2001. - С. 6 - 15.
25. Сильченко Н.В. О соотношении законодательной и исполнительной властей // Канстытуцыйны працэс у Рэспубліцы Беларусь: Тэз. дакл. навук. канф., Гродна, 26 - 27 крас. 1996 г. / ГрГУ. - Гродно, 1996. - Ч.1.-С. 23 -27.
26. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Учеб. пособие для юрид. вузов. Хрестоматия. - М: ИНЕРСТИЛЬ, 1998. - 937 с.
27. Шайо А. Самоограничение власти: Краткий курс конституционализма / Пер. с венгерск. - М.: Юрист, 2001. - 170 с.
28. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. - М.: Госюриздат, 1995. - 540 с.
29. Скитович В.В. Судебная власть и административный акт: проблемы юрисдикционного контроля. - Гродно: ГрГУ, 1999.-234 с.
30. Василевич Г.А. Создание новой Конституции - важнейший этап работы Белорусского парламента // Вести. Конституц. Суда Респ. Беларусь. - 1995. - № 2, 3. - С. 133 - 149.